

УДК 81'23

DOI 10.26456/vtfilol/2022.4.095

СЛОВО ЕСТЬ ПРЕДПОСЫЛКА ПОНЯТИЯ: НЕКОТОРЫЕ ИДЕИ Э.В. ИЛЬЕНКОВА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СЕМАНТИКЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

А.А. Яковлев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Согласно идеям Э.В. Ильенкова, наиболее конкретное в представлении оказывается наиболее абстрактным в мышлении. Но абстрактное или конкретное не нужны человеку как таковые, они обусловлены особенностями осуществляемой деятельности. Поэтому антропоцентрическое изучение языка рассматривает слово в контексте сознания и деятельности и должно основываться на соотношении абстрактного / конкретного в значении слова, с одной стороны, и деятельности, с другой. При антропоцентрическом подходе к языковым явлениям теряет смысл вопрос «Абстрактно или конкретно значение данного знака?». В данном случае целесообразен вопрос: «Соответствует ли соотношение абстрактного и конкретного в знаке целям и условиям деятельности?» Ответ на этот вопрос может быть получен только через анализ результатов речевой деятельности.

Ключевые слова: слово, значение, понятие, представление, Ильенков.

Проблема соотношения значения слова и понятия является одной из ключевых для языкознания и смежных наук [1; 2; 7; 11; 16; 18]. Общеизвестно, что значение содержит в себе часть опыта человека, и опыт не представляет собой «бесформенной массы», а имеет особую структуру, причём структура опыта меняется в результате речевой деятельности, которая, в свою очередь, является частным случаем деятельности и познания мира. Также общепризнанно, что и понятие представляет собой структурированный фрагмент опыта, а не «бесформенный кусок», лежащий мёртвым грузом в памяти, и оно также меняется в результате деятельности.

Взгляды учёных на эту проблему различны. Одни лингвисты отождествляют значение и понятие с той лишь оговоркой, что в значении слова имеются некоторые «наслоения» экспрессивного, стилистического, прагматического и т.п. характера. Другие однозначно отграничивают значения от понятий, считая первые явлениями чисто языкового, а вторые – чисто логического порядка. И, как верно замечает С.Д. Кацнельсон, обе эти точки зрения односторонни, и проблему не решить отказом от одного из терминов или простым их объединением [8: 12]. Разумеется, стоит оставить оба термина, но признать при этом, что отношения между ними сложнее, чем однозначная конъюнкция или дизъюнкция.

Однако традиционно считается, что языковой знак, слово так или иначе выражает понятие, поскольку основная функция слов – номинативная (поэтому некоторые слова не выражают понятий, например, междометия и местоимения). Эта точка зрения настолько укоренилась в языкознании, что фигурирует в учебниках – как классических, так и современных: [10: 249; 14: 63; 17: 10–12]. Её лаконично и образно выражает Ю.С. Степанов: «Можно сказать, что значение слова стремится к понятию как к своему пределу» [17: 11]. При этом понятие трактуется попросту как некоторая общая категория, под которую подводятся схожие (даже формально схожие) предметы. Например, слово *дом* выражает понятие, потому что одним этим словом люди называют весьма различные предметы. Но достаточно ли для верной интерпретации значения языкового знака считать понятием просто множество, объединяющее в чём-то схожие предметы? В каких случаях правомерно объединять значение языкового знака и понятие? Всегда ли слово обозначает именно понятие? Как правило, на эти вопросы нет ответов в лингвистической литературе, что как минимум странно, ведь если человек говорит: «Видишь вон тот дом?» – то вряд ли за словом *дом* стоит понятие, а не представление.

В текстах Э.В. Ильенкова имеются идеи, неоднократно высказанные философом в разных работах, которые помогут разобраться в обозначенной проблеме соотношения слова и понятия. Целью настоящей статьи является интерпретация идей Э.В. Ильенкова о понятии, а также об абстрактном и конкретном применительно к лингвистической семантике.

Понятие как форма мышления

В интерпретации Э.В. Ильенкова понятие есть способ осуществления мышления о некотором предмете, понятие есть процесс: «Понятие есть продукт и форма деятельности мышления...» [3: 208]. Понятие – это не общая категория, не совокупность схожих предметов, а то, каким образом мышление с этими предметами «работает». Понятие есть способ отражения в сознании «...имманентного данному кругу явлений закона их возникновения, существования и развития» [6: 249]. Точнее, понятие есть, по Э.В. Ильенкову, форма отражения в сознании закона изменения данного предмета и закона, по которому данный предмет обладает именно ему присущими свойствами **внутри некоторой системы** как её активная единица [3: 212–213; 4: 142, 144]. Мысля в понятиях, человек всегда мыслит предмет внутри некоторой системы предметов или процессов, т.е. с учётом связей предмета с другими частями данной системы. Эти свойства предметов, связывающие его с другими предметами данной системы, в которой он существует (а не простой абстрактной совокупности формально схожих предметов), с необходимостью входят в соответствующее этому предмету понятие.

Как форма мышления понятие отражает и фиксирует не абстрактно-всеобщую, а конкретно-всеобщую природу определённого круга явлений [6: 249]. Под понятием «всеобщее» Э.В. Ильенков понимает не внешнее, феноменологическое сходство отдельных предметов (выделяемое на основе их внешнего сравнения), а внутренний, онтологический **закон**, в соответствии с которым данные предметы возникают, изменяются и исчезают, проявляя многообразие именно им присущих свойств [5: 65–66; 6: 230]. Этот онтологический закон нередко бывает скрыт за внешними свойствами предметов, за внешними формами своего (этого закона) проявления, поэтому-то его почти никогда невозможно выявить «прямым» путём – через восприятие и формальное сравнение. Однако когда этот внутренний закон целого множества предметов выявлен и зафиксирован в мышлении в форме понятия, тогда появляется возможность, во-первых, понять наблюдаемые в разных отдельных предметах изменения не как случайные, а как закономерные, во-вторых, объяснить как их сходства, так и их различия, в-третьих, предсказать изменение их свойств при изменении внешних условий.

Непосредственным «материалом» мышления, по Э.В. Ильенкову, является не предмет как таковой, а представление о предмете. Отражение предмета в сознании в форме представления не непосредственно: органы чувств – это не прозрачный экран, через который мы «видим» мир как таковой и без «искажений». Представление есть способ отражения предмета в сознании через чувственность, а мышление «работает» уже с этим представлением. Сначала человек абстрагирует предмет в тех его свойствах, которые соответствуют непосредственной потребности человека (это чувственность, основа представления), затем – в его объективных свойствах, не зависящих от потребностей и состояний отдельного человека (это представление), затем – в объективных свойствах, связанных с общественным способом взаимодействия этого человека с другими людьми (это основа понятия, но ещё не понятие). Образ предмета в сознании сначала абстрактен (представление) и лишь затем, при обогащении и обобщении опыта взаимодействия с другими людьми, становится всё более конкретным (понятие). Движение мысли идёт от абстрактного к конкретному, а не наоборот.

Таким образом, познавательная и деятельностная основа представления и понятия различна. Когда человек воспринимает (например видит) конкретный предмет, восприятие не может выделить в нём **все** его свойства и закон, по которому они таковы, какими они наблюдаются. Следовательно, этот предмет в сознании является абстрактным (бедным, однообразным по содержанию). А понятие невозможно выработать на основе суммирования внешних свойств предмета. Чтобы предмет в мышлении был конкретным (богатым, многообразным по содержанию), в сознании должны отражаться и фиксироваться не те его свойства, которые

даны восприятием, а те, которые даны объективными, исторически сложившимися (в смысле истории развития данного предмета) связями предмета внутри **системы** других предметов. По этой причине отношение между представлением как формой восприятия и понятием как формой мышления оказывается обратным. Как метко выражается Э.В. Ильенков, «наиболее конкретное в представлении оказывается наиболее абстрактным в мысли» [3: 216]. Предмет в форме представления (восприятие) и предмет в форме понятия (мышление) – это не просто разные, но в определённом смысле противоположные вещи, причём эта противоположность **одновременно** представлена в сознательном образе предмета. В одной ситуации и для достижения одних целей в большей степени необходимо представление, в другой ситуации и для других целей – понятие предмета. Но никогда сознанию не дано только понятие (без «остатков» представления) либо только представления (без «зачатков» понятия). Это – диалектика теории и практики, мышления и деятельности, сознания и бытия.

Итак, мышлению предмет дан не сам по себе, не в своих имманентных свойствах; предмет дан мышлению в форме представления. А связь мышления с предметом опосредствована сознанием, чувственностью и, что особенно важно, практикой, активностью, деятельностью. Непосредственная связь мышления и предмета, минуя ощущение и активность субъекта мышления, невозможна и является иллюзией обыденного познания. Следовательно, и представление как таковое человеку обычно не нужно, а нужно как форма отражения предмета, необходимая для мышления и деятельности, подчинённая им.

Обратим особое внимание, что, по Э.В. Ильенкову, мышление опосредуется не всякой практикой, а практикой, **меняющий образ предмета**, меняющей способ его отражения в сознании [4: 184]. Простое созерцание предмета, выделение в нём каких-то внешних признаков, которые совпадают с признаками других предметов, не даёт ещё понятия, не всегда даёт даже представления о нём. Чтобы выработать понятие о материальном предмете посредством мышления, человек должен вступить с ним во взаимодействие через деятельность, а не просто через называние этого предмета. Акт называния предмета ничего не даст мышлению, потому что, как бы предмет ни назывался, без уяснения объективных форм взаимодействия этого предмета с другими невозможно выявить его внутренний закон.

Непосредственной связи между понятием и материальными свойствами предмета, данными в восприятии или действовании с предметом как таковым, нет, эта связь опосредствована деятельностью общественной, т.е. действованием с предметом как инструментом взаимодействия с другими людьми в культурно-историческом контексте. Поэтому вполне возможна ситуация, когда в мышлении уже есть представление о некотором предмете, но нет ещё понятия этого предмета [3: 208–209]. Забегая

вперёд, отметим, что понятие в данном случае формально не отличается от представления, и оба они могут быть ассоциированы в сознании и памяти человека со словом. Иначе говоря, слово может быть ассоциировано как с понятием, так и с представлением.

Когда субъект познания и мышления открывает объективную связь предметов не на основе их материальных свойств как таковых, а на основе тех их свойств, которые определяются человеческой (т.е. всегда общественной!) практикой, человеческим взаимодействием, – тогда жизнь понятия только начинается [3: 209–210]. Попытка свести обобщение, лежащее в основе понятия, к объективным свойствам предмета самого по себе, вне общественных способов оперирования им, вне связей этого предмета внутри системы других предметов, созданных человеческой культурой, – это вульгаризация, не позволяющая выявить внутреннее, сущностные различия между представлением и понятием.

Лингвистическая интерпретация идей Э.В. Ильенкова

Проблема отношения слова и понятия и невозможность её однозначного разрешения коренится в том, что слово, языковой знак, может быть инструментом как практики, опосредствованной представлением (и соответствующим способом обобщения), так и практики, опосредствованной понятием (и соответствующим способом обобщения).

Выше было указано, что понятие является не столько формой субъективного сознания, сколько формой общественного сознания – общественно выработанным специализированным способом взаимодействия людей, который (способ) зафиксирован в материальных формах предметов. Представление, будучи выраженным в слове, фиксирует в значении этого слова нечто общее для двух людей лишь потому, что каждый из них уже созерцал данный предмет или в чём-то внешнем похожий на него предмет. Понятие формируется на основе не индивидуального опыта, а общественного взаимодействия людей, поэтому соответствующее понятию слово выражает в своём значении не какие-то свойства предмета, доступные каждому человеку в его непосредственном опыте, а только общие (т.е. главные, сущностные) свойства предмета, проявляющиеся во взаимодействии людей в системе культуры, в системе культурных способов взаимодействия.

С традиционно-лингвистических позиций значение языкового знака – это информация о предмете, передаваемая знаком от говорящего слушающему [9: 8, 12–13; 13: 28–38; 15: 35–37, 78–79, 116]. Абстрактная лексика – это слова, обозначающие объекты, свойства и отношения, полученные в результате абстрагирования, отвлечения от конкретных объектов, свойств и отношений. В свою очередь, конкретные свойства предметов (или конкретные предметы) суть те, которые даны непосредственно органам чувств, а абстрактные свойства (предметы) не даны непосредственной перцепции [9: 84]. С этой точки зрения, слова *стул* или

карандаш имеют конкретное значение, а слова *производство* или *цвет* – абстрактное. Коль скоро прилагательные обозначают признак, отвлечённый от конкретных предметов, они имеют абстрактные значения (ср.: *длинный, яркий, прочный, громкий, самолюбивый* и т.д.). А многие существительные, которые не обозначают абстрагированного признака, имеют вполне конкретное значение, например: *аппетит, удивление, причина* – в отличие от существительных типа *длина, яркость, прочность, громкость, самолюбие* и т.д. (хотя удивление есть вполне конкретное состояние, которое никто не перепутает, например, со страхом, а причина есть частный случай взаимосвязи, т.е. нечто более конкретное, чем взаимосвязь [6: 13]). О таких словах говорят, что они тоже абстрактны, поскольку не обозначают материальных предметов, могущих быть объектом перцептивного опыта. Действительно, такие слова не обозначают отдельных предметов. Однако, как показано выше, дело не в отдельности предметов, а в том, какие их свойства зафиксированы в знаке путём его многократного употребления в речи (совокупной культурно-исторической практики).

Не нужно иметь специальной философской подготовки, чтобы увидеть здесь явное противоречие. Как уже было отмечено, абстрактное понятие есть бедное по содержанию, отражающее лишь некоторые свойства предмета, а конкретное понятие отражает предмет во всём богатстве его содержания, сторон, свойств, признаков [12: 247–248].

Это противоречие усиливается, если язык и, в частности, языковой знак рассматриваются не как часть абстрагированной системы статичных элементов, а как часть **системы процессов** – социальных и индивидуально-личностных, т.е. с антропоцентрических позиций. В таком случае значение языкового знака рассматривается не в потенции, а в конкретной речевой ситуации (включая сюда как внешнюю, так и внутреннюю речь). Поэтому важно упомянуть ещё одно суждение Э.В. Ильенкова: «Конкретное понятие отражает определённую сторону исследуемого целого со стороны её специфической роли и функции в составе этого целого, в её связи и взаимодействии с другими сторонами, в развитии заключённых в ней противоречий. Противоположность между конкретным и абстрактным относительна» [6: 143–144].

Чтобы снять указанное противоречие между конкретным и абстрактным значением знака, необходимо рассматривать языковой знак в системе речевой деятельности, в которой он используется, и в системе неречевой деятельности, способом осуществления которой является данная речевая деятельность. Тогда фактором, определяющим, понятие стоит за значением знака или представление, является деятельность, изменяющая действительность. Если цель деятельности может быть достигнута только с помощью понятия в мышлении и эта цель достигнута за счёт использования речевого знака, то, следовательно, с этим знаком в

сознании человека ассоциировалось понятие. Если эта цель не была достигнута, то, следовательно, с этим знаком ассоциировалось не понятие, но представление. Возможна, разумеется, и обратная ситуация, когда для достижения цели необходимо представление, а используется понятие.

В речевой деятельности знак соединяет образ предмета с образом некоторой ситуации. Если это соединение осуществляется по существенным признакам предмета, то со знаком ассоциировано понятие; если это соединение осуществляется по несущественным, внешним, преходящим признакам, то со знаком ассоциировано представление. Например, когда мне говорят: *Принесите вон тот стул*, а я на эту просьбу отвечаю: *Стул – это предмет мебели, предназначенный для сидения*, то пропорция абстрактного и конкретного не соответствует цели деятельности. В этом, в частности, состоит причина коммуникативных неудач.

Понятие – это особый способ обобщения, дающий возможность строить свою деятельность на основе отражения в сознании общественно выработанных свойств предметов внутри целостных систем. И наоборот, это особый способ обобщения, дающий возможность отражать в сознании общественно выработанные формы предметов (и поэтому ставшие сущностными внутри системы взаимодействия людей) и ими опосредствовать свою деятельность. Диалектика сознания (форм отражения мира) и деятельности (форм взаимодействия с миром) проявляется в значении языкового знака. Когда языковой знак нужен человеку просто для указания на некоторую совокупность предметов и тем более на отдельный предмет, для организации индивидуального опыта, тогда в значении этого знака выражаются такие формы отражения мира в сознании и взаимодействия с миром, которые соответствуют представлению. Попросту говоря, в таком случае в значении знака выражено представление. Напротив, когда языковой знак нужен человеку для специфического (культурного) взаимодействия с другими людьми, тогда в значении этого знака выражаются такие формы отражения мира в сознании и взаимодействия с миром, которые соответствуют понятию. Попросту говоря, в таком случае в значении знака выражено понятие. При этом взаимодействие с другими людьми (общение) всегда происходит в условиях определённой ситуации и подразумевает, что знак связан с ней (он выражает предмет как часть этой ситуации), поэтому в значении знака выражается одновременно и конкретное (часть данной ситуации), и абстрактное (закон, по которому предмет связан с ситуацией и с другими предметами в ней). В языковом знаке всегда имеется соотношение, взаимодействие абстрактного и конкретного.

Из сказанного следует, что в рамках антропоцентрического подхода к языку теряет смысл сама постановка вопроса: абстрактное или конкретное значение имеет языковой знак? Всегда имеется, так сказать, внутризная диалектика абстрактного и конкретного. Причём о ней

нельзя сказать ничего содержательного вне речевой деятельности. Целесообразно задаться вопросом: соответствует ли соотношение абстрактного и конкретного в знаке (внутризнаковая диалектика абстрактного и конкретного) достижению данной цели взаимодействия? Ответ на него может быть получен только по результату этого взаимодействия.

Языковой знак соединяет в сознании человека образ наличной ситуации и ситуации желаемой, частью которой является обозначаемый знаком предмет. По какому признаку происходит это соединение (по сущностному или формальному) образов двух ситуаций – это и будет определять, понятие или представление в мышлении связано с данным знаком в речи.

Без понятия человек остаётся рабом наличной ситуации, а слово как таковое не даёт ещё свободы от ситуации, т.к. может лишь выделять отдельный предмет из ситуации, но в совокупности его связей с другими предметами той же ситуации. Со словом должна быть ещё проделана особая работа мысли, чтобы оно стало инструментом выработки понятия, слово само должно быть освобождено от наличных связей с другими предметами внутри ситуации. Такая конкретная абстракция, как её называет Э.В. Ильенков [4: 165], не может быть проведена отдельным индивидом посредством «разглядывания», посредством чувственного восприятия предмета, обозначенного словом. Основа выработки понятия – взаимодействие (пусть и воображаемое) с другим человеком, в котором данный предмет и соответствующее ему слово играет роль инструмента. Свойства предмета, необходимые человеку для взаимодействия с другими людьми посредством этого предмета, не выводятся из перцепции, поскольку они сложились культурно-исторически – как результат совокупной деятельности многих поколений людей. Значение языкового знака, соответствующего данному предмету, является своего рода производной от тех социально-культурных процессов, в которые данный знак вовлечён, и не существует вне этой системы.

Некоторые выводы

Языковой знак как материальный (акустический или графический) предмет регулирует в членах коллектива не одинаковые субъективные состояния, а схожие в общих (т.е. в самых главных) своих свойствах способы взаимодействия с миром. Языковой знак в силу этой общности его значения для членов коллектива используется индивидом в качестве регулятора взаимодействия с другими людьми, а не только в качестве ярлыка для наблюдаемых предметов. Языковой знак не даёт ещё понятия, а является его предпосылкой, понятие же раскрывается в способах взаимодействия между людьми. Языковой знак обозначает не просто предмет, который нужен человеку, а предмет, который нужен человеку для организации взаимодействия с другими социальными индивидами в данных условиях. Языковой знак организует это взаимодействие потому и

тем, что позволяет человеку в своём сознании соединять образ некоторого предмета или явления и образ желаемой ситуации, ради которой и осуществляется взаимодействие.

Значение слова – это не часть (не атрибут или компонент) предмета, и не часть представления, и не часть понятия. Значение слова – это способ обобщения предметов мира в их внешних (формальных) или внутренних (сущностных) свойствах и связях. В ситуации, когда для взаимодействия с другими людьми достаточно представления о предмете, значение соответствующего знака более абстрактно, бедно по содержанию и ассоциировано в сознании с образом отдельного предмета или явления. В ситуации, когда для взаимодействия с другими людьми необходимо понятие предмета, значение соответствующего знака более конкретно, богато по содержанию и ассоциировано в сознании с законом, отражающим сущность предмета или явления.

Языковой знак всегда соединяет абстрактное и конкретное. Точнее: языковой знак соединяет в сознании человека образ предмета и образ ситуации, частью которой этот предмет является, по некоторым более или менее абстрактным и конкретным признакам. От соотношения этих признаков и их соответствия / несоответствия целям общения зависит успех общения. «...Конкретность мышления измеряется не непосредственным его согласием с чувственно данным образом вещи, а только его соответствием деятельности, которое осуществляется и проверяется практикой, преобразующей и изменяющей вещи» [6: 144].

Называние предмета как функция знака – не самоцель, поскольку называть, чтобы называть, человеку обычно не требуется. Называние подчинено другим целям мышления и общения (оба слова важны: всегда имеет место одновременно и мышление, и общение, взаимодействие с другими людьми). А значит, только будучи уже обобщённым до уровня представления или до уровня понятия, языковой знак может стать инструментом мышления и общения. Поэтому, с такой точки зрения, куда важнее соответствие внутризнаковой диалектики абстрактного и конкретного достижению данной цели общения, взаимодействия с другими людьми, чем однозначный ответ на вопрос о конкретности / абстрактности значения. Проще говоря: важно, соответствует ли соотношение абстрактного и конкретного в знаке условиям и целям речевой деятельности. Если цель речевой деятельности не достигнута, то такого соответствия не было. А если достигнута, то имело место некоторое минимально необходимое соответствие внутризнаковой диалектики абстрактного и конкретного целям и условиям этой речевой деятельности. Вопрос об абстрактности и конкретности значения языкового знака может решаться только на основе анализа результата речевой деятельности, в которой этот знак используется. Но никогда ответ на него не может состоять в однозначной констатации дизъюнктивного характера – значение либо абстрактно, либо конкретно. Значение языкового знака потому и способно

соединять в речевой деятельности реальную наличную ситуацию и ситуацию желаемую (ради которой и осуществляется деятельность), что основано на диалектике абстрактного и конкретного.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. СПб.: Питер, 2020. 432 с.
2. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении: Логико-психологические проблемы построения учебных предметов. – М.: Педагогическое общество России, 2000. 480 с.
3. Ильенков Э.В. От абстрактного к конкретному: Крутой маршрут. 1950–1960 / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.
4. Ильенков Э.В. Абстрактное и конкретное: собр. соч. Т. 1. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 464 с.
5. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: собр. соч. Т. 4. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 464 с.
6. Ильенков Э.В. Философская энциклопедия: собр. соч. Т. 6. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. 512 с.
7. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
8. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / под общ. ред. В.М. Жирмунского, М.М. Гухман, С.Д. Кацнельсона. Изд. 3-е. М.: Эдиториал УРСС, 2011. 112 с.
9. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
10. Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в языкознание: учебник для бакалавров. М.: Изд-во Юрайт, 2013. 699 с.
11. Лурия А.Р. Язык и сознание. СПб.: Питер. 2019. 336 с.
12. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010. 744 с.
13. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
14. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.В. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 2000. 536 с.
15. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
16. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
17. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. Учеб. пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов. Изд. 2-е, перераб. М.: Просвещение. 1975. 271 с.
18. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

Об авторе:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, e-mail: mr.koloboque@gmail.com

THE WORD IS A BACKGROUND OF THE CONCEPT: ON EVALD ILYENKOV'S IDEAS IN LINGUISTICS PERSPECTIVE

A.A. Yakovlev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg

The paper discusses the problem of the relationship of a word with a concept and representation. According to Evald Ilyenkov, the most concrete in representation turns out to be the most abstract in thought. However the abstract or the concrete are not needed by a person as such, but are conditioned by the peculiarities of the activity being carried out. With an anthropocentric approach to linguistic phenomena, the question “Is the meaning of this sign abstract or concrete?” becomes nonsense. In this case, the following question is appropriate: “Does the ratio of the abstract and the concrete in the sign correspond to the goal and conditions of activity?” The answer to this question can be obtained only through the analysis of the results of speech activity.

Keywords: *word, meaning, concept, representation, Ilyenkov.*

About author:

YAKOVLEV Andrey A.– Candidate of Philology, Associate professor, North-West Institute of management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: mr.koloboque@gmail.com

© Яковлев А.А., 2022